24 декабря он пишет Языкову: Хвостовщина объявила явную войну врагам своим, команду над армией вручила Сандунову, который, предводительствуя друзьями просвещения, и выступит с будущего месяца против «Московского зрителя». Он сообщает о распределении сил: «Московский курьер» С. М. Львова — скрытый союзник первой партии, «Вестник Европы» тяготеет ко второй; «Минерва» держит нейтралитет. Сам он тоже намерен остаться в стороне и «зевать на их подвиги» (II. 197).

Вряд ли он был совершенно искренен в этом последнем заявлении. Его симпатии и антипатии совершенно определенны. Он не выступает в печати, но прибегает к другим видам борьбы, прежде всего к эпиграмме.

Есть основания полагать, что большинство эпиграмм Дмитриева на журналы падает именно на конец 1805 г. Притча Хвостова «Барыня и ткачи» вызывает у него совет «на *вкус* слепить сатиру. а там и здравый смысл ухлопать в добрый час». По-видимому, тогда же, в конце года, когда помещались объявления о новых журналах или продолжении прежних, пишется и эпиграмма на «Друга просвещения» — «журнал для толка, а не вкуса», имеющий быть «и впредь в печатне Гиппиуса» «во славу троицы певцов» — Хвостова, Кутузова и Салтыкова.[68] Наконец, в эпиграмме «На журналы» («Как этот год у нас журналами богат. . .») определились те же симпатии и антипатии, которые установились у Дмитриева после статей Галенковского в «Северном вестнике»: в число журналов, предназначаемых для внелитературного употребления, входят и «Вестник для карел» («Северный вестник»), и «Корифей» того же Галенковского, и «Московский курьер» Львова, и, конечно же, «Просвещенья сват», — все, за исключением «Вестника Европы».[69]

Еще в январе 1806 г. он будет жаловаться Языкову, что цензура пропустила притчу на него «Барыня и ткачи» (II. 199). Вообще этот одиннадцатый номер «Друга просвещения» окажется под полемическим обстрелом еще в 1806 г.: в апреле в «Московском зрителе» появится «Анекдот об анекдоте» — о нелепости диалога между Хвостовым и Суворовым, помещенного в ноябре в «Друге просвещения».[70]

В противоположность тому, что Дмитриев писал Языкову, позиция его активна, а не пассивна. Он не только защищается, но и нападает, но особым образом: оставаясь в тени. Некоторые косвенные признаки дают нам право предполагать, что он пустил по рукам свои эпиграммы. В январе он негодует в письме к Языкову, что цензура запретила критическую статью Шаликова против графа Хвостова, и просит вступиться за обиженного жур-

---

[68] *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 356.

[69] Уточненный текст этой эпиграммы по автографу Дмитриева см.: *Степанов В. П.* Заметки о В. Л. Пушкине. С. 261.

[70] Ср.: Руской анекдот // Друг просвещения. 1805. № 11. С. 149 и Анекдот об анекдоте // Московский зритель. 1806. № 4. С. 13.